

© Ю.А. КРАСИН
krasinyua@mtu-net.ru

ДЕМОКРАТИЯ ИЛИ НОВАЯ ПАРАДИГМА ПРАВЛЕНИЯ?

Демократия переживает не лучшие времена. В нынешней России растет число людей, которые испытывают по отношению к ней скепсис и разочарование. Об этом свидетельствуют данные исследований, проведенных Институтом социологии РАН в сотрудничестве с Фондом им. Ф. Эберта. Согласно этим данным, удельный вес демократических ценностей в общественном сознании россиян постепенно, но неуклонно падает. Если в 2001 г. 51% респондентов соглашались с утверждением, что демократия очень важна для организации жизни социума, то в 2011 г. их число снизилось до 44%, а численность несогласных увеличилась с 12% до 20% (36% затруднились определить свою позицию). Еще хуже показатели восприятия населением практических аспектов демократии: 71% процент опрошенных считает, что в делах страны ничего не зависит от простых граждан. А в итоге практически половина населения страны (48% при 23% не определившихся) полагает, что Россия не демократическая страна [1].

Можно утешать себя тем, что Россия не одинока. Девальвация ценностей демократии происходит во всем мире. Конечно, у нас этот процесс накладывается на сложности и противоречия глубокой реформации традиционно авторитарного общества и потому носит особенно острый характер. Но демократия сталкивается с вызовами и угрозами глобального масштаба. Внедрение инновационных технологий и электронные средства коммуникации дают властвующим элитам столь эффективные инструменты манипулирования людьми, что ставится под сомнение сама возможность самостоятельного участия граждан в политическом процессе. Разрушается общественная солидарность, способность общества влиять на политику; верх берут корпоративистские и авторитарные тенденции.

Под воздействием глобализации разворачиваются информационные, культурные, финансовые, миграционные, криминогенные потоки планетарного масштаба, которые ускользают из-под контроля национальных государств — исторических анклавов демократии. Не лучшим образом обстоят дела и на мировой арене. Раскол мира на «золотой миллиард» и «зону бедности», симптомы конфликта цивилизаций, международный терроризм, новые витки гонки вооружений, ползучее распространение ядерного оружия, рецидивы силовой политики говорят об ослаблении нитей управляемости миром, о возрастании рисков крупномасштабных конфликтов. Словом, ситуация не благоприятствует продвижению к демократическому мироустройству. Такое положение вещей негативно влияет на внутреннюю жизнь национальных государств, создавая почву для милитаризма, ксенофобии и авторитаризма.

Коренный вопрос демократии: как совместить свободу индивида, необходимую для раскрытия заложенных в нем способностей, с устройством социума,

обеспечивающим эту свободу для всех и приводящим в движение великую силу общественной солидарности. Еще Ж.-Ж. Руссо бился над решением задачи — как добиться, чтобы каждый, соединяясь со всеми, оставался, однако, столь же свободным, как и прежде [2]. Это — вопрос о соотношении публичного и частного в жизни общества. Можно рассматривать его в качестве основного вопроса философии политики, вокруг которого вращаются как вся политическая практика, так и политическая наука.

Варианты решений «теоремы Руссо», предлагавшиеся до сих пор, не выглядят убедительными. Скорее всего, исчерпывающего ответа вообще нет. Не только потому, что полная гармония между свободой индивида и демократической организацией социума недостижима. Не менее важно, что оптимальные пути приближения к идеалу разнятся на каждом конкретном этапе истории. Всякий раз проблема частного и публичного, свободы индивида и правил общественного устройства возникает как бы заново, ее нельзя решить по единому трафарету. Как подчеркивал русский мыслитель, правовед П.И. Новгородцев, демократия «не путь, а только распустье», она сама «создает проблемы» и «сама оказывается задачей»; «осуществление демократической идеи всегда остается очень приблизительным и неточным» [3].

Какими могут быть способы доказательства «теоремы Руссо» для нашего времени, сказать трудно. В теоретических представлениях пока доминируют сомнения и неопределенность [4].

Ни в одном сложном обществе управление общими делами не может быть уделом всех; оно требует высокой квалификации и профессионализма. Вместе с тем граждане объективно заинтересованы в том, чтобы участвовать в управлении, и вправе добиваться этого. Для решения этого противоречия демократическая практика выработала институт представительства. Граждане выбирают своих представителей в органы власти, передавая им полномочия по управлению общими делами. В этом — смысл представительной демократии, которая до сих пор лежит в основе всех демократических систем. Несмотря на многие недостатки, эта модель долгое время эффективно работала, обеспечивая выявление народной воли в политике. Однако сегодня все больше признаков глубокого кризиса института представительства. Правящие элиты выходят из-под контроля общества, но при этом сами оказываются в плотной сети зависимостей от неподконтрольных им сил глобализации.

Для того чтобы сохранить демократию как систему народовластия, необходимо выйти за рамки представительной модели. Система правления должна покоиться на более широком основании — демократии как «образе жизни». Такое понимание было предложено американским философом Джоном Дьюи, который видел в демократии основополагающую «социальную идею». «Ясное осознание совместной (communal) жизни во всех ее проявлениях составляет идею демократии» [5], подчеркивал он. И еще более четко: «Демократия есть нечто большее, чем форма правления; в первую очередь это — способ ассоциативной жизни, коммуникативно закрепленный совместный (conjoint) опыт» [6]. Превращаясь в «образ жизни», демократия проникает во все поры социума, становится «питательной средой» и основой всеобщей гражданственности, которая, в свою очередь, влияет на сознание и поведение людей, на институты власти и ее персональных носителей. Политики, выполняющие власт-

ные функции по профессии или по призванию, находясь постоянно в этой «среде обитания», воспринимают через нее каждодневно, а не только на выборах, запросы, стремления, оценки и волю граждан (народа).

Эти идеи получили теоретическое обоснование в фундаментальной книге известного английского политолога Джона Кина, посвященной судьбе демократии [7]. Рождается новая форма демократии, которую автор называет «мониторинговой». Суть ее в том, что общество, простые граждане создают плотную сеть наблюдения и контроля над процессом принятия и осуществления властных решений. За последние полвека, отмечает политолог, общество изобрело и научилось применять около ста способов мониторинга и контроля власти (power-monitoring and power-controlling devices). Это — объединенные общественные комиссии, судебные акции, локальные суды, трибуналы на рабочем месте, консенсусные конференции, парламенты меньшинств, гражданские жюри и ассамблеи, общественные расследования, экспертные доклады, мозговые центры, блоги и другие новые формы медиа-мониторинга. Институты мониторинговой активности призваны вдохнуть новую жизнь в демократию, обуздать высокомерие власти, привить ей культуру скромности и толерантности [8].

Эти размышления не плод идиллических фантазий, а отражение глубинных тенденций, уже вошедших в повестку дня политической науки. Тема запланированного на июль 2012 года 22-го всемирного конгресса МАПН — «Реформирование власти, сдвигающиеся границы» — ставит в центр предстоящих дебатов назревшую потребность в расширении властного пространства за пределы государственных институтов, вовлечения в него структур гражданского общества, бизнеса и духовного творчества.

При таком подходе ключевым звеном механизма демократии и формирования общего интереса и общей воли становится публичная сфера — постоянно действующий форум общенациональных дискуссий и обсуждений, арена совместной деятельности граждан, направленной на достижение общих целей. В публичной сфере артикулируется многообразие частных интересов и мнений, из сопоставления, согласования и сопряжения которых вырастают общие интересы и цели, определяющие содержание публичной политики.

Эту разветвленную систему коммуникативных связей можно трактовать как зарождение по преимуществу сетевой системы политических взаимодействий. Не служит ли это симптомом исчерпания традиционной демократии, ее качественной модификации? Изменения настолько глубоки, что порой возникают сомнения в том, выживет ли демократия. Появляются даже концепции «пост-демократии» [9]. Не назревает ли смена парадигмы политического правления? Не нарождается ли в быстро развивающемся социуме какой-то иной тип политического правления, своего рода «неократия», который кардинально отличается от классических представлений о демократии и автократии?

В каком-то смысле возрождается возможность прямой демократии, прямого влияния постоянно размышляющего общества на процессы принятия и исполнения политических решений; происходит становление более высокой формы народовластия, при которой политическое правление погружено в широкий контекст публичной рефлексии.

Насколько эти поиски актуальны для нашего общества? После двадцати пяти лет перипетий российской реформации, чередования этапов романтических надежд и горьких разочарований становится все более очевидным, что демократический проект общественного устройства для России возможен только как органический сплав идеалов демократии с реалиями российской истории и нынешней общественной практики.

В моменты крутых исторических поворотов — а Россия, несомненно, переживает такой поворот — политикам, оказавшимся на гребне волны, нередко кажется, что все возможно. Надо только разработать идеальный проект преобразований и проявить волю к его реализации. Возникает видимость того, что на руинах старорежимных институтов и ритуалов решительными действиями участников процесса формируются совсем иные институты и ритуалы. Однако вскоре дает о себе знать громадная сила исторической инерции. Казалось, канувшие в лету стереотипы политической культуры, институциональные структуры и социальные практики вновь прорастают сквозь оболочку демократических нововведений.

После демократического «прорыва» советской перестройки к власти в начале 1990 г., пришли радикал-либералы, которые попытались имитировать западную модель демократии. Эксперимент не удался, дискредитировав и либерализм, и саму идею демократии. Едва возникнув, демократические институты оказались заложниками государственно-бюрократических, олигархических, криминальных структур. Логическим следствием разрушительных процессов 90-х гг. и своего рода императивным ответом на произошедший тогда подрыв государственности и потерю управляемости страной в России сложился властный режим, представляющий собой разновидность «мягкого авторитаризма». Описывая этот феномен, западные политологи отмечают, что для него характерна концентрация властных полномочий в руках узкого круга правящей элиты в сочетании с относительной свободой деятельности для граждан, которые не ставят под сомнение монополию власти на политические решения [10].

Модель «мягкого авторитаризма» внутренне противоречива, она способна как постепенно демократизироваться, так и перерасти в «жесткий авторитаризм». Эта неустойчивая модель и очерчивает тот коридор возможностей, по которому движется российское общество. Вероятность «жесткого авторитаризма» сегодня представляется не очень высокой: уж слишком он расходится с потребностями российского общества и стремлениями людей, уже ощутивших вкус свободы и самостоятельности. Авторитарный дрейф России наталкивается сегодня на целый ряд серьезных препятствий: отсутствие у режима монополии на информацию, необходимость создания свободной творческой атмосферы для инновационной модернизации страны, активизация очагов общественной рефлексии в публичной сфере, противодействие со стороны демократической общественности на международном уровне и другие. Конечно, не следует закрывать глаза и на противоположные факторы. Это значит, что выбор направления движения от «мягкого авторитаризма» далеко не предопределен и будет осуществляться в остром противоборстве разнонаправленных тенденций и стоящих за ними общественных сил.

И все же при взвешивании аргументов pro и contra можно заключить, что шансы на постепенный переход от «мягкого авторитаризма» к более демократичному режиму достаточно высоки. Намерения и действия верховной власти определяются не только логикой групповых интересов наиболее мощных слоев правящей элиты, но и давлением объективных обстоятельств, нередко вынуждающим власть вступать в противоречие с этой логикой. В России, как показал экономический кризис, складывается своеобразная «реформационная ситуация», когда в условиях объективно назревшей модернизации всей общественной системы властная элита не способна управлять по-старому. А прессинг на нее увеличивается, потому что альтернатива инновационному обновлению — начавшиеся процессы общественной деградации, уже захватывающие целые регионы страны и сферы социума, о чем свидетельствуют масштабы коррупции и преступности, наркомании и алкоголизма, падение трудовой этики, рост жестокости и отчуждения, депопуляция обширных территорий. Власть бессильна остановить и даже сдержать эти губительные процессы.

«Реформационная ситуация» все сильнее побуждает правящую элиту к изменению институтов и способов правления. Тревожный звонок уже прозвучал. Авторитарный режим под давлением невозможности справиться с лавиной вызовов и угроз автократическими методами проявляет черты политической растерянности. В политической системе образуются трещины, расширяющие публичную сферу, арену общественной рефлексии вокруг проблем развития российского социума. Эти пока еще слабо наметившиеся тенденции сулят некоторую надежду — можно сказать, содержат «намеки» — на постепенную демократическую эволюцию системы, на поэтапную консолидацию политической оппозиции и появление новых демократических альтернатив, способных ослабить авторитарную направленность государственной политики.

Практика российской реформации доказывает, что либеральный принцип частной инициативы и предприимчивости нуждается в эффективном противовесе — коммунитарном принципе общего блага, социальной справедливости и общественной солидарности. Острая потребность в сбалансированном сочетании частных и публичных начал ощущается сегодня не только в трансформирующемся российском обществе, но и в развитых либеральных демократиях. Быстрый рост удельного веса социального капитала в современном инновационном развитии обнаруживает исторические границы либеральной модели общественного устройства. По словам испанского социолога М. Кастельса, интересы, ценности, институты, системы представлений, базирующиеся на либеральных принципах, «ограничивают коллективную креативность, конфискуют плоды информационной технологии и отклоняют нашу энергию в русло самоуничтожающей конфронтации» [11].

Начавшийся переход человеческого социума к инновационному типу развития создает потребность в такой модели политического устройства, которая позволит максимально раскрыть гигантский потенциал «коллективной креативности». Перед российской властью остро встает дилемма: продолжать либеральные реформы в социальной сфере прежними методами или перейти к социальной политике, отвечающей требованиям современности, т.е. уравнивающей публичные и частные начала. Политика государства, нарушающая разумные пропорции принципа равенства/неравенства в пользу богатства и власть иму-

щих явно отторгается обществом. Демократическое развитие России по современным критериям требует изменения вектора социальной политики. Сущность этого назревшего поворота ясна: устранение застойного дисбаланса в распределении богатства и власти, приоритет публичных начал перед частными и корпоративными, ограничение роста социального неравенства. Для осуществления этих изменений необходима демократическая эволюция самой властной системы.

На встрече с политологами в рамках мирового политического форума в Ярославле (сентябрь 2010г.) президент РФ Д.Медведев говорил о демократизации политической системы в России как неотъемлемой составной части модернизации российского общества. Достаточно обоснованными кажутся доводы об осторожном и поэтапном (step by step) характере изменений в политической сфере во избежание нарушения достигнутого хрупкого равновесия при наличии огромного числа серьезных вызовов. «Конечно, можно ускориться, но тогда в условиях России велик риск того, что наш транспорт, наш автомобиль может занести, как это иногда бывало в нашей истории, и часть людей окажутся отброшенными, просто выброшенными в другом направлении. Все-таки здесь лучше ехать в более спокойном темпе» [12].

Настораживает только одно: предпринимаемые властью поэтапные изменения политической системы настолько осторожны, что напоминают больше имитацию изменений. Во всяком случае, эти «шаги» никак не соответствуют размаху и целям провозглашаемой программы. В результате эта программа повисает в воздухе, и в практической повестке дня остается лишь «анклавная модернизация», весьма напоминающая искусственное выращивание заморскими специалистами экзотического цветка в специально сооруженном для этого парниковом инкубаторе.

Инновационная модернизация экономики и общества может успешно развертываться не в удушающей атмосфере сословно-разделенного общества, а лишь в атмосфере свободы и творчества, которые рождаются в процессе, пусть «пошаговых», но реальных демократических реформ политической системы. Если этого нет, то у модернизаторов будет постоянно возникать искушение совершить «инновационный прорыв» авторитарно-мобилизационным способом. По сути, речь идет о выборе направления движения в нынешнем коридоре возможностей: пойдет ли оно вспять, к ужесточению авторитаризма, чреватому очередным застоєм и утратой шансов на прорыв к постиндустриализму, или вперед — к инновационному типу развития и демократии как образу жизни.

* * *

Нельзя с уверенностью сказать, какой будет демократия в XXI веке и в более далекой перспективе. Произойдет ли конвергенция политических типов и форм власти, или они диверсифицируются в многомерном «мире миров»? Адаптируется ли демократия к реалиям меняющегося социума, открыв простор для инновационной модернизации, или осуществится смена парадигмы политического правления? Ответы на эти вопросы даст только будущее, но мы можем влиять на него в поисках оптимального варианта сохранения лучших демократических традиций публичной политики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Двадцать лет реформ глазами россиян (опыт многолетних социологических замеров. Аналитический доклад. М., 2011, С. 175-178 (www.isgas.ru).
2. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. Трактаты. М., 1998. С. 207.
3. Новгородцев П.И. Соч., М., 1995, С. 389, 400, 402.
4. Красин Ю.А. Метаморфозы российской реформации. Политологические сюжеты. Разд. 3. М.: Институт социологии РАН, 2009, С. 140-190.
5. Dewey, J. *The Public and its Problems*. Athens, 1991 (reprint). P. 149.
6. Dewey, J. *Democracy and Education: An Introduction to the Philosophy of Education*. N.Y., 1966. P. 87]
7. Keane J. *The Life and Death of Democracy*. London: Simon and Schuster, 2009.
8. Keane, J., *Bad Moons, Little Dreams?* URL: <http://www.thelifeanddeathofdemocracy.org>. P. 13-14
9. Crouch, C. *Post-Democracy*. Cambridge: Polity Press, 2004; Hocking, J., Lewis, C. *Counter-Terrorism and the Post-Democratic State*. London: Edward Elgar, 2008.
10. Darendorf, R. *Can We Combine Economic Opportunity with Civil Society and Political Liberty?* // *The Responsive Community*. 1995. Vol. 5. № 3; Bell, D. *A Communitarian Critique of Authoritarianism: The Case of Singapore* // *Political Theory*. 1997. Vol. 25. № 1.
11. Кастельс М. *Информационная эпоха*. М., 2000, С. 513.
12. URL: <http://news.kremlin.ru/news/8882>.